

торым пользовался Пушкин, приписывался сразу двум поэтам: Полю Пелиссону и Меллену де Сен-Желе; подлинным автором был, надо полагать, Пелиссон (см. Hutton 1946, 760—761). Буквальный перевод греческого стихотворения свидетельствует, что для идентификации разных текстов как вариантов «той же самой» эпиграммы достаточно единства их логической структуры, которая, собственно, и обеспечила произведению его «универсальную» применимость на протяжении столетий: *Глухой тягался с глухим, и они нашли еще более // глухого судью, чем сами. // Один жаловался, что другой задолжал ему плату за жилье // за пять месяцев, а тот утверждал, что первый мелет зерно по ночам. // Посмотрев на них, судья постановил: «Почему вы враждуетесь? // Это ваша мать, заботьтесь о ней оба».*

Универсальность эпиграммы имеет не только логические, но и жанрово-тематические корни. Неопределенность и подвижность подавляющего большинства параметров жанра способствуют его повышенной приспособляемости: «Точному определению эпиграмма, как жанр, не поддается, так как в разные эпохи она имела свои характерные жанровые признаки» (Томашевская 1926, 93). То, что эпиграмма не укладывается в классическую рубрикацию жанров, отмечалось уже теоретиками XVII в. В «Трактате об Эпиграмме» (1658) Гийом Кольте писал, что, «восхваляя Богов и Героев, Пустыни и Города, Эпиграмма походит некоторым образом на Эпическую Поэму; трактуя о предметах грустных и прискорбных, она соотносится с Элегией и Трагедией, а будучи острой и сатирической (*picquante & satyrique*), — с самой старой Комедией (*la vieille Comedie mesme*); и так же с остальными <жанрами>» (Colletet 1658, 14). Ни о каких тематических ограничениях в «Трактате» Кольте нет и речи: «<...> юрисдикция Эпиграммы простирается на все материи и на все предметы нравственные, природные, мнимые и воображаемые». По форме же «Эпиграмма должна быть короткой и сжатой (*courte & pressée*), и чем сильнее выражены в ней эти качества, тем она лучше» (Colletet 1658, 16).

Спустя сто лет Шарль Баттё в «Курсе изящной словесности» (1753) повторил соображения о «вседности» эпиграммы. Ее предмет «очень широк: она поднимается до самого благородного (*de plus noble*) из того, что есть в других жанрах; она опускается до самого ничтожного (*de plus petit*)» (Batteux 1753, 172). Сам Баттё, однако, считал, что эпиграмме лучше пребывать в числе низких и средних жанров, ибо «по своему характеру она естественна и свободна (*son caractere est l'aisance et la liberté*)» (Batteux 1753, 172). Шарлю Баттё мы обязаны также